
ОМЕР

Сергей Самылин

"ОМЕР"

«Автор»
2026

Самылин С. П.

"ОМЕР" / С. П. Самылин — «Автор», 2026

Эта книга о нелёгких и тревожных буднях пограничной службы на горной заставе. Она погружает внимательного читателя в таинственный и красивый мир талышского горного хребта, рассказывает о его нетронутой цивилизацией природе и обитателях. "ОМЕР" рассказывает о проблемах межнациональных отношений в период распада СССР. Прочитавший эту книгу до конца, почерпнёт для себя много полезной и интересной информации.

© Самылин С. П., 2026
© Автор, 2026

Сергей Самылин
"ОМЕР"

«ОМЕР»
Довольствуясь малым всегда и во всём
Знаменье Христа на груди мы несём
Законы Его в нашей крови
Евангелие – план нашей стратегии
И с красной звездой , Богу - враги
Мы русские люди - апостолы

Предисловие

Написанию этой книги я благодарен, прежде всего, моим сослуживцам, с которыми я продолжаю общаться спустя вот уже тридцать четыре года. Вспоминая нашу службу в пограничных войсках, я благодарен судьбе за эти нелёгкие и тревожные годы своей юности. Это время было насыщено невзгодами, но эти трудности и помогли нам понять простые истины и осознать великую цену обыкновенных вещей. Вещей, которые мы порой не дорожим в сытой и безмятежной обстановке.

Автор 35 лет назад.

Оглавление
Эпиграф 1

Предисловие 1
Оглавление 2
Учебка 4
Товарищ майор 24
Лерик 46
Амос 53
Тропа 66
Прорыв 75
Дозор 98
Животный мир 112
Перебежчик 127
Измена 134
Наёмники 138
Замбой 142
Мистика 146
Праздники 159
Пять пуль 163
Дембель 173
Послесловие 188
Наглядный словарь пограничных терминов 191

Учебка

Призвали меня в армию осенью 1989 года. Из военкомата, в городе Волгодонске, нас привезли на пересыльный пункт в Батайск. На беседе у военкома, я изъявил желание служить в пограничных войсках. На мой выбор повлияли прочитанные рассказы уволенных в запас, бывших сотрудников по бригаде, завода «АТОММАШ» где я проходил практику и советские фильмы про пограничную службу. Отсутствие дедовщины и романтика службы в пограничных войсках, - стали основными положительными факторами.

Конец 1989 года в России, разбушевалась пресловутая «перестройка», сахар, водка, сигареты и многие жизненно-важные продукты в России стали отпускать только по талонам. Всеобъемлющий дефицит продуктов и товаров народного потребления, явились предзнаменованиями крушения коммунистической империи. Крах этой империи, вершился руками своих же руководителей – предавших свой народ и страну. Вершителям судеб нужно было посеять хаос и недовольство в народе, чтобы поменять существующий строй.

Несмотря на все происки империалистов, моя мама достала ящик – двадцать бутылок креплёного красного вина «Анапа». А это значило, что проводы в армию состоятся, по всем канонам советских торжеств.

Пришли все друзья и подруги с нашего двора. Были песни под гитару, танцы под кассетный магнитофон до утра.

Ранним утром троллейбусы и автобусы ещё не ходили, и вся честная компания пошла пешком, провожать меня к военкомату.

В сумерках, человек десять призывняков, по списку, погрузили в жёлтый ПАЗик. Двери закрылись, и автобус попытался тронуться, но не смог. Человек двадцать провожающих, подняли заднюю часть автобуса, и тот громко газуя, беспомощно вращал в воздухе своими ведущими задними колёсами. Израсходовав остатки своих сил, молодые буяны, отпустили ПАЗ на землю, и автобус с места рванул по направлению сборного пункта в городе Батайск.

Пару дней нас продержали на пересыльном пункте в Батайске. Сидели в промёрзшем насквозь актовом зале. Иногда нам крутили старые фильмы, а в основном просто тупо сидели

в томном ожидании кормёжки. Там я познакомился с двумя призывниками из моей команды. Одним из них был мой земляк из Волгодонска Александр Бриндак. Второго я не помню.

Кормили хреново, спали на голых нарах. Было холодно и скучно. Вот и все мои воспоминания о пересыльном пункте в городе Батайск. Помню, как призванных в десант рекрутов, гоняли кругами по плацу до полного изнеможения. Разношёрстная, пёстрая толпа, в гражданской одежде, задыхаясь, бегала по плацу. Наверное «покупатели отсеивали слабых, и морально неустойчивых новобранцев. Я подумал, какое счастье, что я не в ВДВ распределился.

Всего нас - пограничников, набралось человек пять. На третьи сутки за нами приехал офицер и сержант – чеченец. У меня был праздник. Как оказалось, нас распределили в воинскую часть 20/38, которая находилась на самой южной точке европейской части СССР, в республике Азербайджан. Ленкоранский погранотряд, охранял участок границы с исламской республикой Иран. В поезде Ростов – Баку, у сержанта мы выспрашивали о всех хитросплетениях пограничной службы и о месте в котором нам предстояло служить. Тот давал дельные советы и наставления. Офицер лет под сорок, был не многословен и общения с нами избегал.

Нас привезли сначала в столицу пока ещё Советского Азербайджана. В глаза сразу бросилось изобилие товаров в магазинах. Создавалось впечатление, что в Баку наступил коммунизм. Магазинные прилавки ломились от товаров, причём во всём Азербайджане отсутствовали какие либо ограничения и талонная система.

Сделав пересадку, мы прибыли в Ленкоранский погранотряд. Там нас переодели в военную форму, провели быстрый курс по наматыванию портянок и переобули во всепогодные кирзовые сапоги. Затем, мы на грузовике отправились в учебный лагерь, расположенный на берегу Каспийского моря, рядом с посёлком Вель. В этом пионерлагере в зимнее время организовывался учебный пункт, где нам предстояло пройти трёхмесячное обучение перед распределением на заставы.

Не далеко от лагеря находилась морская застава. Каждый день пограничные наряды с автоматами и собакой ходили вдоль побережья. Нам казалась такая служба не серьёзной, лишённой романтики и какой то интриги. А наш сопровождающий сержант, презрительно называл пограничников служащих на морской заставе – «ракушкой». Хотя совсем недавно бойцы этой самой заставы умудрились засечь в море и содействовать задержанию настоящего диверсанта, пытавшегося высадиться на наше побережье на быстроходном глиссере.

Вызванный пограничниками вертолёт и сторожевые корабли перехватили быстроходный катер с нарушителем - диверсантом. За это, заставу приехал награждать медалями и почётными знаками, сам командир отряда. Но вручение наград не состоялось, так как пол заставы накануне бурно отпраздновало свой успех спиртными напитками. Полковник застал офицеров и некоторых солдат в нетрезвом состоянии, молча развернулся и уехал в Ленкорань.

По совету сержанта, все мы просились в кавалерийскую учебную заставу, чтобы потом отправиться служить в горы, - «Романтика»! Члены приёмной комиссии с сочувствием на лице, воплотили наше прошение в реальность. Страх служить на «ракушке» - морской заставе, «смыло как рукой». Ведь мы теперь относились к элите погранвойск кавалеристам, которым путь на горную заставу заказан.

Тёплая Азербайджанская зима напоминала середину осени у меня дама в Волгодонске. Корпуса пионерского лагеря, где располагалась наша учебка, и окружающая природа, поначалу создавали впечатление нашего присутствия, где то в пионерском лагере, на отдыхе.

Но эту первоначальную расслабуху нарушил новый заместитель учебной заставы по боевой подготовке.

Курсант – старшина прибыл к будущим кавалеристам и кинологам, на второй неделе после начала обучения, из Московского высшего пограничного училища. Небольшого роста, коренастый, он четыре года от звонка до звонка честно отвоевал в пограничном спецназе в Афганистане. Призванный туда рядовым солдатом, через четыре года он уже был старшиной роты спецназа.

Не ленясь и не жалея своих подопечных, наш командир каждый день, без устали гонял курсантов, с голым торсом, по морскому песку, вдоль побережья Каспийского моря. Тяжелее всего приходилось единственному, в нашей учебной заставе, грузину.

Каха был чрезмерно полным молодым человеком. Быстро уставал и прекращал свой бег. Тогда командир назначал тех, кто будет нести «раненого» на себе и два счастливчика брали пухлое тело под руки и продолжали бежать за остальным отрядом. Так по очереди каждый из нас попробовал на себе каково это, «выручать товарища из беды».

Сам «замбой» искренне возмущался существующим в советской армии порядкам, вспоминая свою нелёгкую службу,

- «Бывает, тащишь по горам безнадёжно раненого, целые сутки, а он в итоге всё равно умирает. А бросать нельзя! И кому это нужно»!

Стреляли мы на учебке, всего два раза по несколько патронов. В основном проходили обучение в классах и на конюшне.

Самым не любимым моим занятием была строевая подготовка. Маршировали мы на плацу каждый день по два, когда и по четыре часа, в любую погоду, как во времена императора Павла первого. Так как командовал муштрой курсант сержант – замполит учебной заставы, я понимал, что эти занятия более всего были нужны для укрепления дисциплины личного состава.

Один раз всем учебным пунктом совершили в марш-бросок от учебного пункта «Вель» до города Астары. С оружием в полной боевой выкладке, двадцать километров туда и двадцать обратно.

Подняли нас по тревоге в шесть утра, вооружились и сразу вышли. Шли строем, иногда бегом, где-то и ползком. Один короткий отдых в пять минут, по дороге в Астару, один привал в самой Астаре и один короткий отдых на обратном пути. Уже к обеду мы должны были вернутся, обратно на учебный пункт.

По дороге в Астару, почти сразу, с дистанции сошли двое азербайджанцев, сославшись на плохое самочувствие. Их посадили в командирский уазик и всю оставшуюся дорогу они наблюдали марш – бросок из окна автомобиля.

Осложнялся марш-бросок тем, что первый отрезок нашего маршрута проходил вдоль берега Каспийского моря. От мокрого песка быстро и намокли кирзовые сапоги, колючий моросящий дождь пропитал шинель так, что нижние полы этой старинной одежды до боли натирали колени. Портянки в сапогах слетели со ступней и ранили ноги до кровяных язв.

В это время наши командиры придумывали различные испытания. Заезжая вперёд колонны они устраивали засады, обстреливая из автоматов и пулемётов поверх голов. Мы в свою очередь должны были атаковать противника, перестроившись в цепь, по канонам первой мировой войны и с криками «УРА!» атаковать условного противника. В наших автоматах патроны отсутствовали, по этой причине многие стреляли губами, кто-то щёлкал затвором, вхолостую спуская курок. Не дожидаясь рукопашной схватки «враги», прекращали огонь и отступали, погрузившись в стоящие наготове УАЗики.

Ещё через несколько километров пути отцы командиры, по маршруту шествия отряда, зажгли дымовые шашки, имитируя химическую атаку. Последовала команда «ГАЗЫ!» и мы бежали пару километров в сплошном дыму, уже в противогазах.

Когда казалось, что сил уже нет, все услышали первую и долгожданную команду - «Привал».

Курсанты повалились на песок и первым делом стали перематывать портянки. После перемотки портянок, многие достали сигареты и закурили. Но докурить уже не успели, последовала команда «Становись!». И колонна вновь тронулась в свой поход.

Не далеко от «Астары», мы проходили небольшое, живописное болотце. Замечательно оно было тем, что в нём были сняты легендарные кадры из фильма «Айболит86». В роли Бармолея в этом фильме снимался мой любимый актёр Ролан Быков. Глядя на эту большую лужу, заросшую тропической растительностью, со смехом вспоминались приключения пиратов форсирующих эту естественную преграду и их знаменитую песню, которую они пели, увязая в болотной трясине,

- «Нормальные герои всегда идут в обход».

В прочем и мы, измученные и мокрые до нитки в нелепых старинных шинелях, шапках ушанках, наверное, выглядели столь-же комично.

Подойдя к окраинам Астары, нам устроили небольшой привал с чаем и галетами. Подкрепившись, и перемотав портянки, мы даже успели покурить в этот раз.

Затем снова последовала команда «Становись!» и закинув свои АК 74 за спины мы построились в четыре шеренги. Командиры учебных застав произвели поверку личного состава, и колонна из трёхсот человек тронулась в обратный путь.

Обратная дорога проходила по асфальтированной трассе. На всём протяжении этого пути наши командиры не устраивали нам дополнительных испытаний. Главным испытанием были растёртые в кровь ноги и усталость. Тем, кто не мог идти самостоятельно помогали их товарищи, забирали себе их оружие, поддерживали и подставляли своё плечо в прямом смысле этого слова.

Командиры уже ни кого не сажали в «уазик», как это было с двумя азербайджанцами…..

Темп нашего марш броска был высоким. Ещё не было полдвенадцатого, а на горизонте появились окраины города «Вель».

«Вишенкой на торте» нашего похода, являлся штурм опорного пункта условного противника. Где то в поле, примерно в километре от нас застрекотал одинокий пулемёт. Офицеры развернули в цепь нашу колонну и направили в атаку на обнаруженный опорный пункт противника. Засевшие на небольшом холмике, в импровизированном укреплении офицеры, олицетворяющие наших условных противников, обстреливали нас холостыми патронами так как рядом находились дома мирных жителей.

Поголовно хромающие бойцы с криками «УРА!» древним боевым порядком, под названием «цепь», ринулась в атаку.

Если честно, то я так устал и натёр ногу, что мне было совсем не до «Марсовых» игрищ. Спустившись в небольшой овражек, я снял сапог и перемотал сбившуюся портянку. Тут откуда не возьмись, за моей спиной появился наш замполит учебной заставы. Молодой холёный курсант последнего курса московского пограничного политического училища. Наставляя на меня автомат, приказывает мне идти в атаку.

Думаю,

- А гнида, заград-отрядчик тренируется…...

Говорю ему,

- Товарищ курсант сержант, я ранен в ногу, перевязываюсь!

А он мне кричит,

- Самылин я буду стрелять!

Не торопливо перемотав портянку, я взял автомат и побрёл вслед атакующим колоннам. Позади меня шёл наш замполит, наступая мне на пятки, поторапливая и грозя мне какими-то наказаниями. А я прихрамывая брёл в сторону «боевых действий» огрызаясь в ответ наглому курсанту сержанту, записавшему меня в дезертиры……..

Обратив в бегство своих «врагов», тупым лобовым ударом, наше войско облепило захваченный холм, размахивая трофейным флагом противника. Воодушевлённых победой курсантов построили в колонну и мы продолжили путь в учебный лагерь. Предвкушая скорое наступление обеда и последующий отдых, люди шли с удвоенной скоростью, позабыв про усталость.

По прибытии в место дислокации нас разоружили. В виде исключительного случая, командование разрешило нам сменить сапоги на комнатные, резиновые тапочки. Сняв с себя опостылевшие, мокрые шинели мы неизменным строем пошли в столовую. И откуда после этого взялись силы?! Казалось, и не было ни какого марш-броска…..

После обеда нам дали целых полдня отдыха.

Вечером заместитель учебной заставы по боевой подготовке, уважаемый всеми курсант-старшина и бывший афганец (имя его я к сожалению забыл), предложил нам написать в вольной форме свои предложения и мысли по поводу улучшения нашей не лёгкой военной службы.

Я вырвал из учебной тетради двойной листок и от души написал про дешёвое, устаревшее обмундирование; шинели, портянки и кирзачи - травмирующее личный состав ещё до боевых действий. Высказал на бумаге своё мнение о пехотных «цепях», которые в реальных боевых действиях будут «косить» вражеские пулемёты……

Вопреки ожиданиям, мой труд по военному искусству не был оценён по достоинству. Замбой объявил моё творение, крамолой и нытьём. Ну конечно, все предыдущие поколения побеждали в портянках, а я посмел покуситься на эту боевую святыню красной армии.

Вскоре после этого, в Баку произошли волнения на национальной почве. В столице Азербайджана массово резали армян и грабили русских. Кто уцелел в первой волне погромов, массово покидали крупные города «братской» республики Азербайджан и уезжали, куда глаза глядят и в чём мать родила. В Баку висели плакаты, на русском языке, - «**Русские не уезжайте, нам нужны рабы**». В город зашли войска, и был объявлен комендантский час. С крыш по колоннам военных работали неизвестные снайпера. За несколько первых январских дней 1990 года, было убито более сорока советских военных, в основном русских по национальности. В ответ, солдаты стреляли во всё, что движется и шевелится. В Нагорном Карабахе началась война между Азербайджаном и Арменией. Все пограничные отряды в этих «братских» республиках были переведены на военное положение.

Наш учебный пункт перешёл на осадное положение. «Народный фронт» Азербайджана знал, что в учебке находится большое количество оружия. По данным нашей разведки, боевики народного фронта Азербайджана, намеревался напасть, на «пионерлагерь» с целью добычи стволов. С оружием у них были проблемы.

Чтобы предотвратить планы тёмных сил, из Москвы к нам выслали небольшую группу легендарного отряда «Альфа». По всему периметру учебного пункта, командование организовало круговую оборону. Всем курсантам выдали автоматы АК 74 с двумя магазинами боевых патронов к нему. С этими автоматами мы теперь не расставались даже в постели. В боевой наряд,- «часовой заставы» нас ставили по два человека с приказом, стрелять на поражение в случае попытки нападения.

Однажды я «стоял на тумбочке», дежурным по учебной заставе. По законам военного времени дежурный по заставе вооружался снайперской винтовкой Драгунова. Ну и тяжеленная же это штука! Уже через полчаса плечо просто отваливалось, а стоять ещё три с половиной часа. Дело было ночью. Стоял я сразу напротив входа в учебную заставу. Наша «застава» находилась на втором этаже, через стеклянную дверь и примыкающий стеклянный витраж, были отчётливо видны огни крайние дома города Вель, отстоящие от лагеря примерно в двух километрах.

Детально рассмотрев своё оружие, я прицелился в горящие огоньки домов, через оптический прицел снайперской винтовки. В этот момент я увидел пожилого, бесформенного от полноты офицера, проходящего мимо нашего корпуса, по асфальтной пешеходной дорожке. Я узнал в нём «альфовца» прибывшего к нам на усиление. Взяв своё оружие на ремень, я встал по стойке смирно на своём посту.

Увидев меня, он повернул в сторону нашего корпуса и стал подниматься по лестнице на второй этаж.

По уставу я должен был, как минимум поднять дежурного офицера и остановить незнакомого офицера, применив оружие. Но спокойный вид дедушки в форме пограничного майора, не располагал меня поднимать тревогу и будить народ.

Понимая всю щекотливость ситуации, «альфовец» остановился в дверях, и ласково по отечески, сказал мне,

- «Сынок, ты бы перенёс свой пост левее от входа, а то тебя за десять километров видно. В тебя не то, что снайпер, слепой попадёт, с расстояния двух километров. Тебе вход будет видно, а врагам тебя не будет видно. Офицеру завтра скажешь, что ночью была проверка, и тебе были указания переместить пост».

Передвинув тумбочку дневального на пару метров в сторону, пост был скрыт от взоров с улицы, каменной стеной коридора. Получилось так, что я смотрел на вход из-за угла, при этом меня извне видно не было.

Убедившись в исполнении своих указаний, офицер вежливо попрощался и пошёл дальше, к следующему корпусу.

Враги в это время не дремали. Поняв, что лагерь им взять не получится, они стали всячески вредить нам. Вначале они перекрыли дороги, доставляющие нам продовольствие. Имеющихся на складах продуктов было крайне мало, и все они были просроченные, крайне плохого качества. В макаронах и крупах жили причудливые южные насекомые, существующие там уже не первое поколение. Суп или каша из таких продуктов выглядело весьма экзотично. Некоторые весьма щепетильные люди не могли даже притронуться к своей порции, на радость менее разборчивым товарищам. Как говорили вторые,

-«Главное не смотреть в тарелку, а так пойдёт».

Рацион нашего «питания» был уменьшен в четверо. Теперь наше питание было следующим; Утром завтрак, - кусочек чёрного хлеба 50 грамм с квадратиком масла примерно 20 грамм и стакан киселя, неопределённого серого цвета.

Обед, - тарелка неопределённой массы из гороха или макарон с насекомыми, два кусочка чёрного хлеба и стакан чая или компота.

Ужин,- кусочек чёрного хлеба 50 грамм с квадратиком масла примерно 20 грамм и стакан киселя.

В этой ситуации выручали нас только немногочисленные денежные средства, оставшиеся у нас с гражданской жизни. На эти деньги мы каждый день покупали лепёшки и лаваши у местных спекулянтов. Круглые лаваши размером с большую сковородку, с каждым днём уменьшались в размерах, при этом прибавляя в цене. Постепенно один лаваш стал стоить один советский рубль, уменьшившись в размерах до маленькой чайной тарелки. Ругались и злились на вороватых аборигенов, а куда деваться, покупали.

В связи с осадным положением и уменьшением рациона питания, все спортивные и физические занятия на учебном пункте «Вель» были отменены, на всех учебных заставах, кроме нашей. Контуженый «афганец», - замбой объявил, что наша застава как занималась, так и будет заниматься. Каждое утро мы продолжали бегать по морскому берегу с голым торсом, превращаясь, по мнению сочувствующих нам товарищей из других учебных застав, в «супер рейнджеров».

Однажды у меня заболело горло, я почувствовал, как распухли мои гланды. Отпросившись у сержанта, направился в медсанчасть. Осмотревший меня фельдшер заявил, что лекарств нет, но когда я в следующий раз буду бегать, я должен вдыхать носом и выдыхать ртом. Получив физиотерапевтический рецепт, я покинул медсанчасть с чувством глубокого разочарования. Не смотря ни на что, этот рецепт подействовал великолепно. В первом же утреннем забеге ангина прошла безвозвратно.

Враги же постоянно усугубляли наше положение. Через некоторое время после начала осады, они отключили нам отопление. Помню, как мы засыпали в комнате на десять человек в шапках, шинелях и сапогах, с автоматом под мышкой. Спасала нас лишь тёплая южная зима. В это время на улице было +10, +15С. Столько же было и в казарме.

Затем, супостаты умудрились вместо воды пустить нам в водопровод природный газ. Войдя в одно прекрасное утро в общий умывальник, я увидел не высокое, синее пламя, горящее в одной из раковин. После чего все трубы были перекрыты. После этого инцидента, сдался даже упёртый замбой, любивший обливаться холодной водой, заставлявший и нас делать тоже самое. Все спортивные тренировки и занятия были отменены.

Не смотря, на все приключившиеся трудности, ни у кого из офицеров и солдат не было ни уныния, ни испуга. Был лишь незначительный ропот солдат, возмущающихся бездействию высшего командования.

Январь 1990 года подходил к концу. На наше счастье, положение на границе с Ираном резко ухудшилось. В некоторых районах её просто снесли. Местные говорили,-

«Не мешайте, русские мы хотим жить вместе с нашими братьями мусульманами!»

Проделав в некоторых участках границы бреши, они толпами перебегали туда и обратно.

На высшем уровне было принято раскидать наш учебный пункт, на усиления по заставам. Радости курсантов в связи с этим решением не было предела…..

Так закончилось, казавшееся нам бесконечным, двухмесячное обучение, длившееся с начала декабря 1989 года, по конец января 1990 года.

На фото наша учебная застава, кавалеристов – кинологов в полном составе. В самом центре полковник - командир учебного пункта. За ним, в серой шинели, капитан – начальник учебной заставы, по правую руку от начальника, замполит - курсант сержант, по левую курсант - старшина (афганец) его лицо на половину закрыто шапкой молодого бойца.

«Товарищ майор»

В конце января 1990 года наш учебный пункт «раскидали» на усиление по всей Ленкоранской области. Некоторые попали в столицу ещё советского Азербайджана, город Баку.

Второпях нам объяснили, что придётся служить в реальной боевой обстановке, и служба наша будет заключаться в охране государственной границы.

Боевые автоматы, которые нам выдали на учебном пункте, и по два магазина с патронами отправились вместе с нами в командировку. Командиры закрепили сию выдачу оружия в специальном журнале, под нашу роспись.

Меня и ещё человек двадцать бывших курсантов, посадили в кузов ГАЗ 66 и повезли в неизвестном направлении. Ехать пришлось не долго, «Шишига» остановилась возле закрытых металлических ворот пятнадцатой заставы с позывным «Ориесфера». Эта застава находилась на западной окраине города Астара, и охраняла участок границы, разделяющий древний город Астара на Советскую и Иранскую части. Город был разделён на две части по руслу горной

реки – «Астарачай», сходящей со склонов «Талыжского» хребта. Большее время окутанные туманом и облаками, заснеженные горные вершины, являли миру свою исполинскую красоту только в ясную, солнечную погоду.

Иранская часть Астары была примерно равна Советской по территории, обе половинки города были одинаково вытянуты вдоль побережья Каспийского моря и по берегам горной реки. Ночью Астара советская светилась в два раза ярче иранской, в чём мы усматривали преимущество советской системы над капитализмом. «Ориесфера» не охватывала всю протяжённость границы, разделяющую город, две соседние заставы делили с ней эту миссию. В свою очередь соседняя шестнадцатая застава, была последней сухопутной заставой европейской части СССР. Её левый фланг, упирался в Каспийское море.

Ширина заградительных сооружений «Ориесферы», от берега реки до первых городских домов варьировалась от тысячи до ста метров. Сама река в некоторых местах тоже была не широка. Пограничные сооружения и ближайшие дома иранцев находились примерно в двухстах метрах от нас.

Каждый день в одно-и-тоже время, мусульманские муллы включали динамики на минаретах. Протяжный и унылый напев намаза, по нескольку раз в день оглашал всю округу.

Иранские жандармы подходили к берегу реки, со своей стороны приветствуя нас, махали руками. Было отчётливо видна их экипировка и вооружение. Длинные автоматические винтовки G3, немецкого производства, под пулемётный патрон 7,63мм, выглядели гораздо мощнее наших мелкокалиберных АК74.

Не смотря на небольшую ширину заградительных сооружений пятнадцатой заставы, преодолеть их было весьма затруднительно. Две линии высокого забора из колючей проволоки, ряды круглых рулонов малозаметной проволоки и наконец, сама пограничная система, преграждали путь нарушителей границы, как со стороны сопредельного государства, так и с советской стороны. Кроме этого вдоль заборов с колючей проволокой, плотными рядами были высажены густые кустарники, стебли которых, сплошь покрывали ядовитые шипы. И если колючую проволоку можно было пройти, вооружившись специальными кусачками, то дебри этих кустарников были просто не преодолимы. Вдоль всех рядов заграждений, как со стороны границы, так и со стороны города, тянулись асфальтированные дорожки, по которым постоянно патрулировали пограничные наряды. В самых узких местах обороны, постоянно несли службу пограничные наряды.

На середине правого фланга заставы, километров в четырёх от неё, возносилась над местностью тридцатиметровая вышка наблюдения, с дальнобойным биноклем. Днём на вышке постоянно находился пограничный наряд.

Как рассказывали местные пограничники, недалеко от неё в середине восьмидесятых годов, в ночное время, были убиты два наших пограничника. Выйдя в наряд, в тёплое летнее время, они расположились у подножья вышки перед забором с колючей проволокой и заснули. Дежурному по заставе поступил звонок, с трубки старшего наряда. Незнакомый голос на ломанном русском языке сказал,

- «Ваш наряд плёхо несёт слюжбу»…….

И связь оборвалась. Выехавшая на «УАЗе» тревожная группа обнаружила два трупа, у обоих были перерезаны глотки.

В те годы Иран плотно дружил с США и воевал с другом СССР, Ираком. В свою очередь СССР обильно поставлял оружие своему другу Ираку. За это иранцы мстили нам, при каждой удобной возможности. Ирано – Иракская, кровопролитная война шла долгие десять лет, и только по официальным данным унесла жизни более миллиона иранских граждан. Старослужащие, призыва ноябрь 87 рассказывали, как становились свидетелями обстрелов иранских городов советскими ракетами - «СКАД» с территории Ирака.

Мстили они и за перенос границы, который случился в годы Великой Отечественной Войны, по приказу Сталина. Тогда русские пограничники, за одну ночь, вырезали пограничные посты иранцев, по всей протяжённости Ирано - Советской границы, перенеся линию границы вглубь территории Ирана. Это понадобилось нашему генералиссимусу, для того чтобы захватить стратегически важную трассу Астара – Ардебиль, по которой англичане снабжали СССР западной помощью.

По законам кровной мести, «Корпус Стражей Исламской Революции» стремился каждый год вырезать по одной заставе русских. Иногда это им удавалось…..

По прибытии на заставу нас сразу повели в столовую. Первое, второе и третье блюда были краем наших мечтаний. Да ещё и хлеба можно было брать сколько хочешь. Блюда не наваристые, порции не большие, но можно было попросить добавки.

В столовой мы обнаружили, что кроме нас на заставе расположился взвод десантников, из Витебской дивизии ВДВ, переданной войскам КГБ на усиление.

Поведение и обычаи десантников сразу произвели на меня негативное впечатление. В глаза бросилось чёткое «классовое» разделение, среди «крылатых пехотинцев», на старослужащих, и прочее быдло.

За столиком напротив сидели три джентльмена в парадных кителях с аксельбантами и о чём-то мирно беседовали между собой. Их столик, в роли официантов обслуживали двое черпаков – (десантников прослуживших полгода). Обслужив их столик по высшему разряду, оба получили команду раздобыть «дедушкам» сигареты, от старослужащего с живописными тонкими усиками, на концах закрученными к верху. В этих усах, с аксельбантами и эполетами на пагонах, он был похож на старинного гусара, времён Русско-Турецкой войны. Десантные духи мигом метнулись исполнять приказ.

Впоследствии я не раз был свидетелем таких сцен искренне возмущавших меня. Напротив нигде на пограничных заставах я не видел и не слышал о подобных неуставных отношениях или издевательствах по отношению к новобранцам или младшим товарищам по сроку службы.

Взвод десантников был вооружён и экипирован по последнему слову военной техники СССР. Камуфляжи тёмного цвета и бушлаты, выгодно отличались от наших ХБшек и шинелей. Все как на подбор высокого роста, широкоплечие. Они часто жаловались нам на тяжёлые условия службы на заставе. Десантники говорили следующее,

-«У нас в части, если ночью два часа стоишь в наряде часовым, то потом весь день отдыхаешь, а тут четыре часа каждые сутки в наряде, а потом ещё и работать заставляют».

Жаловались они пограничным духам, которые не понимали и смеялись над их нытьём. Потому как нам приходилось, сутки напролёт находится на линии границы, только с перерывом на восьмичасовой сон и приём пищи.

Бритвенные принадлежности нам не выдавали, и они у меня вскоре закончились. Купить их тоже было негде, по этой причине вскоре после прибытия на «Ориесферу» моё лицо украсила молодая бородка и усы.

Однажды после наряда, я зашёл в заставскую сушилку и развесил над большими батареями свою насквозь промокшую шинель и постиранные портянки. Затем присел на тёплую лавочку и закурил сигарету. В сушилку зашёл старослужащий десантник, присев рядом, на лавочку тоже закурил. По его словам я понял, что ему скоро на дембель, он проклинал чурок, заваривших всю эту кашу и что они не дали ему спокойно дослужить в своей части. Потом, он жаловался на бестолковость своих духов. Но душевный разговор прервался тогда, когда до его сознания дошло, что он разговаривает с человеком, отслужившим всего два месяца. Он словно ударенный током отскочил от меня, а потом спешно вышел из сушилки. Скорее всего, он побоялся, что кто-нибудь из своих сослуживцев, увидит его разговаривающим с «зелёным духом» и это скомпрометирует его. Наверное, для них это был «зашквар».

Но нам было наплевать, что подумают здоровые «слоны» из десантуры, вечно стреляющие у нас сигареты. К нам они не имели ни какого отношения.

По ходу службы, авторитет десантников был основательно подорван и в среде пограничного командования. Поначалу их выпускали патрулировать границу, если им удавалось поймать нарушителя, то его приводили на заставу в одних трусах, без контрабанды и каких либо личных вещей. После этого, «на чистом глазу» они доказывали особисту и начальнику заставы, что так они их и поймали – извращенцев.

В дальнейшем, охранять границу этих воинов больше не допускали. По четыре человека в одну смену здоровяки из десанта охраняли нашу заставу. А в светлое время суток ставили их на работы по укреплению границы.

Однажды я сам был свидетелем труда рабочей группы десантников. Было это так. Наш наряд получил приказ, вести наблюдение с пограничной вышки на правом фланге. Не далеко от нас трудилась рабочая группа десантников. Во главе со своим лейтенантом трое десантников забивали в землю металлические колышки, для закрепления к ним рулонов непроходимой, малозаметной проволоки. К этому трудовому коллективу подъехал наш начальник заставы на «УАЗе», и стал высказывать своё возмущение, офицеру десантников,

- «Мужики! Так нельзя, целый день работаете и четыре колышка вбили!

Рядом с лейтенантом «крылатой пехоты» стояли два старослужащих, они вместе со своим командиром выслушивали разнос начальника заставы. Примерно за сто метров от них работал единственный десантный «дух», нехотя махая кувалдой, забивая железный колышек. Выслушав претензии нашего капитана, один из дедов взял в руки кувалду и пошёл в сторону собрата по оружию. Я в этот момент подумал,

-«Ну сейчас работа закипит»….

Подойдя к молодому десантнику, «дедушка» взмахнул кувалдой и довольно болезненно ударил своего воспитанника по спине, давая при этом не хитрую команду, хриплым и нарочито грубым голосом,

- «Кабан, быстрее давай»!!!

«Кабан» в свою очередь, до этого ценного указания походивший на измождённого раба древнего мира, стал с удвоенной энергией забивать металлический колышек. Уже смутно смахивая, на ударника первых советских пятилеток. Дедушка десантник выполнив свою миссию, мирно подошёл к своему командиру и продолжил беседу. Тихо что-то обсуждая между собой, десантники обиженными взглядами, долго провожали удаляющийся «УАЗ» начальника заставы.

Как рассказывали нам коренные служаки 15 заставы - «Ориесферы», за месяц до нашего приезда граница была сломана и в нескольких местах в оборонительных заграждениях заставы зияли бреши, походившие на дороги. Местные власти сказали пограничникам,

- «Вы нам не нужны, убирайтесь домой, мы хотим жить вместе со своими братьями».

Не зная, что делать, пограничники заперлись на заставе и заняли круговую оборону. Задача была одна, сохранить людей и вооружение. А через границу туда – сюда бродили толпы обезумевших от свободы азербайджанцев и иранцев.

В то время Иран в совершенстве освоил технологию фальшивомонетчества и мог в неограниченных количествах печатать как доллары США, так и советские рубли. В связи с этим, все магазины и склады Ленкоранской области вскоре опустели. Пограничники наблюдали в бинокли как в сторону Ирана уходили нарушители с телевизорами и холодильниками на плечах. Не редко «минусы» несли мешки с продуктами питания и крупами.

Местные власти, насытившись общением со своими братьями, пришли на поклон к командованию погранотряда, с просьбой о закрытии границы. Совместными усилиями граница была восстановлена в кротчайшие сроки. Но своими силами застава уже не справлялась с потоком нарушителей, продолжающих верить в «мир без границ». Тогда и прислали на «Ори-

есферу» взвод десантников и взвод курсантов с учебного пункта «Вель». В первый месяц после закрытия границы пограничники задерживали десятки нарушителей ежедневно. Постепенно поток начал уменьшаться, но продолжал быть высоким. Каждую ночь, бывало и днём, мы ловили по два – три нарушителя в сутки. Были и случаи когда нарушители уходили от нас, но я припоминаю всего два или три случая прорыва границы за весь месяц февраль 1990 года. А в этот месяц пограничники и прикомандированные курсанты, совместными усилиями поймали более шестидесяти нарушителей границы.

Служба была очень тяжёлой, особенно для нас курсантов. Если штатные пограничники заставы были одеты в тёплые бушлаты и ватные штаны, то мы как приехали в наших тоненьких шинелях, так в них и служили. Нательное бельё, хлопчатобумажная форма и шинель на тебе, а служить отправляли в наряды, вместе со штатным составом, на свежий воздух по восемь или двенадцать часов! Зима хоть и южная, но климат предгорный - сырой, рядом море, постоянные моросящие дожди, за пару часов превращали наши шинели в насквозь промокшую тряпку. Постоянное чувство сырости и холода, в сочетании с продолжительными по времени нарядами, сводили с ума. Порой хотелось высадить весь магазин по иранскому патрулю, чтобы хоть как-то согреться. Казалось, что часовые стрелки во время службы, прекращали своё движение.

Самым частым для нас нарядом являлся – «часовой границы». Старший – всегда местный и опытный служака, младшие - два курсанта. Обычно такая группа выдвигалась по приказу дежурного офицера в определённый участок границы, младшие наряда усаживались на расстоянии видимости друг друга, где-нибудь в кустах, а старший патрулировал местность в этом районе, держал связь по рации с заставой и соседними пограничными нарядами.

Состав «Ориесферы» был многонациональным. В основном русские и украинцы, но примерно треть, составляли выходцы из Азербайджана и других закавказских республик.

Мною сразу было подмечено, что хоть и не было на заставе, ни каких конфликтов и дискриминации, но представители южных республик держались особняком. Их базой была заставская баня, в которой они и обитали в свободное от службы время.

На моё удивление, особым авторитетом среди них, пользовался один худенький и тщедушный азербайджанец, со слабым дрожащим голосом, по кличке «товарищ майор». Даже двое лихих чеченских дедов выказывали ему всяческое уважение, по неизвестным мне причинам, хотя он был майского призыва и младше их на полгода.

Однажды меня и ещё одного курсанта поставили с этим «Товарищем майором»- сержантом Мамедовым, часовыми границы, на одном из самых узких участков левого фланга. Рукав горной реки, разделяющий СССР от Ирана в этом месте был всего пару метров. Мамедов посадил нас где-то в дебрях колючего непроходимого кустарника, а сам пошёл нести службу к речному изгибу. Всё время я сидел на этой позиции и думал,

- «Ну и дурак же этот «товарищ майор», от сюда не видно ни его, ни линию границы и кто полезет через гущу этого колючего кустарника»?

Время медленно подходило к окончанию службы. Промокнув до нитки от непрерывного моросящего дождя, я всем телом содрогался от порывов холодного ветра. Вот уже было слышно, как снялся и пошёл на заставу наряд охраняющий границу со стороны города. С радостными возгласами они протопали с другой стороны проволочных заграждений.

С раздражением я подумал,

- «Заснул, что ли? А может быть похитили? Ведь всё время службы нам не было его видно»?

С тревогой я встал и направился в сторону, куда ушёл Мамедов. Одновременно с этим закричал, своему напарнику по наряду, засевшему метрах в сорока от меня,

-«Саня иди за мной»!

Из кустов послышалась возня и недовольное бормотание. Наверное, Санёк слегка прикорнул, коротая службу?

Пройдя метров тридцать, в направление, куда от нас удалился старший наряда, я приблизился к густому кустарнику, растущему справа от тропинки. Моё обострившееся обоняние уловило яркий запах одеколона, исходящего от кустов. Всмотревшись в кусты, я увидел три пары глаз напряжённо следящих за мной. Направив на кусты ствол автомата, я звонко щёлкнул затвором автомата, скомандовав,

- «Руки вверх! Выходи из кустов»!

Три высокие, плечистые фигуры медленно выросли из кустарника, в котором они только что прятались. Была заметна дрожь в руках этих атлетически сложенных мужчин. На вид им было по лет тридцать - сорок, подтянутые, на целую голову выше меня, одежда похожа на военные куртки, а главное ни какой контрабанды, ни вещей, ни сумок?

В следующую минуту откуда-то сзади появился мой старший наряда, что-то взволнованно бормоча в полголоса, при этом, не предпринимая ни каких действий,

-«А я думаль кабан, а я думаль кабан».

Нарушители уставились на него тревожными, вопросительными взглядами. Да ещё как назло, второй младший наряда не появлялся из зарослей кустарника.

После затянувшейся паузы, почувствовав что-то неладное, я сделал несколько шагов назад и демонстративно направил ствол автомата между нарушителями и своим старшим наряда, громко скомандовал,

- «Быстро вызывай тревожную группу»!

После этого крикнул в сторону кустов, где застрял второй младший наряда,

- «Саня иди сюда, быстро»!

Через несколько секунд из колючих лиан, сильно хромая, вышел мой напарник. Осознав ситуацию, сразу вскинул автомат, щёлкнул затвором и направил ствол в сторону троих крепышей по пояс выросших из кустарника.

На лице «товарища майора» не было видно радости, в связи с таким крупным «уловом». Трясущимися руками, он снял с переговорное устройство рации, висящей у него на боку, и дрожащим голосом вызвал тревожную группу. Затем я тем же командным голосом приказал ему обыскать непрошеных гостей. При обыске Мамедов нашёл у одного из нарушителей мощные плоскогубцы с боковыми кусачками, предназначенными для перекусывания колючей проволоки. И всё, ни документов, ни личных вещей, мне тогда показалось это очень странным. Во время обыска наш старший как-то спокойно в полголоса, что-то говорил задержанным крепышам на их родном - персидском языке. В тот момент мне показалось, что он давал им инструкции дальнейшего поведения…...

«Тревожка» прилетела через пять минут. Из уазика выскочил сам начальник заставы, возбуждённо поздравляя своего земляка из Баку,

- «Молодец Мамедов! Молодец! Подам документы в штаб на награждение»!

В нашу сторону капитан даже не посмотрел. Усадив «добычу» в уазик, тревожная группа унеслась прочь. Наш доблестный наряд, поплёлся на заставу пешком. Всю дорогу Мамедов оправдывался, повторяя одну и ту же фразу,

- «Я думаль кабан»……

А для меня была очевидна лишь его профнепригодность. В тот момент я думал, что «товарищ майор» или струсил, или намеренно хотел пропустить этих нарушителей.

С местным командиром заставы мне, по понятным причинам, говорить об этом не хотелось. Я пытался заговорить на эту тему с замбоем учебной заставы – афганцем, внезапно появившимся на «Ориесфере». Но тот, сделав вид, что сильно занят, и не стал вникать в суть происходящего, скорее всего посчитав, что я хочу просто похвастаться.

В отличие от него, один из наших «дедушек»- чеченцев заговорил со мной на эту тему. На следующий день после происшествия я в одиночестве, не торопливо обедал в заставской

столовой. Строгого расписания не было, так как ночные наряды просыпались в разное время. Присев ко мне за столик, он поздоровался и сказал,

-«Здарова джигит. Раскажи как нарушаков паймал»?

Я рассказал ему события той ночи, опустив только мои приказания Мамедову и мои сомнения насчёт профпригодности «товарища майора».

Внимательно с уважительной улыбкой выслушав меня, «дедушка» сказал,

- «Так держать, службу знаешь»!

Затем дружески похлопав по плечу, удалился из столовой. Наверное, он хотел узнать, насколько до меня дошло, что Мамедов враг. Но тогда для меня это было не очевидно.

Позднее уже после того как нас опять вернули на учебный пункт, я сидел в курилке со своими товарищами по командировке и разговаривали о событиях происходивших на «Ориесфере». Мы вспомнили женоподобного «товарища майора» и выяснили одно невероятное и странное совпадение,- Все три прорыва границы, произошедшие на пятнадцатой заставе, в феврале 1990 года, случились во время, когда на службе в этом районе находился «товарищ майор» в роли старшего наряда!

Один курсант, побывавший в банной каптёрке пятнадцатой заставы, удивлялся роскоши, в которой жили наши «дедушки». Он рассказывал, что на столе у них были различные деликатесы и даже водка. Иностранные сигареты и различные электроприборы, были повсюду в их «гнезде».

Позднее, когда нас раскидали по заставам, и я попал на «Омер», до меня дошло известие о расформировании «Ориесферы». Видно особисты не напрасно ели свой хлеб, и тоже вычислили странные закономерности, происходившие на «пятнашке». По моим сведениям наказан никто не был, просто раскидали всех по разным заставам дослуживать оставшийся срок, а на их место сформировали новый состав.

Запомнились мне местные, простодушные люди – жители Астары, часто приходившие к проволочной стене - пограничной системы и разговаривавшие с нами, на разные темы. В одном месте, несколько раз подряд молодая девушка приносила мне лаваши, перекидывая их через КСП и забор из колючей проволоки. Часто мимо нас проходили ветераны Великой Отечественной Войны, с медалями на груди, всегда попутно приветствуя нас.

Под конец командировки, на «Ориесфере» меня огорчил рассказ местного «дедушки», с которым я нёс службу в одном из долгих нарядов.

Случилось это ещё в сравнительно спокойное время, начала Горбачёвской «Перестройки». На пятнадцатую заставу прислали из Москвы молодого лейтенанта, только что окончившего училище. Приехал он служить не один, а со своей молодою женой – красавицей. В первый же день к ним в гости пришёл местный азер из местной администрации и познакомился с молодой парой. Не понятно как этот «уважаемый» человек попал на заставу? По уставу погранвойск, присутствие на территории посторонних, категорически запрещено! Скорее такой бардак допускал местный капитан - начальник заставы, бакинец по происхождению.

В общем, солидный человек в пиджаке, предложил жене молодого лейтенанта поехать с ним в его дом и познакомиться с его женой, чтобы не скучно было. Наивная русская девушка, привыкшая к нормальным взаимоотношениям, не подозревая ни какого подвоха, согласилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.